

УДК 314 (470.621)

ББК 60.7

К-88

Куваева Аида Аслановна, старший преподаватель кафедры истории государства и права факультета информационных систем в экономике и юриспруденции Майкопского государственного технологического университета, т.: (8772) 525128

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ АДЫГЕИ В 30-Е ГГ. XX в.: ИСТОРИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Статья посвящена изучению трансформации социальной структуры населения Адыгеи в 30-е гг. XX в., а именно, ее историко-демографическому аспекту. Выделены основные события и процессы, повлиявшие на этнодемографическую ситуацию рассматриваемого периода: коллективизация, раскулачивание, репрессии, голод и индустриализация. Отмечено, что все эти явления, позже названные катастрофическими, привели к резкому сокращению населения области.

Ключевые слова: социальная структура, этнодемографические процессы, коллективизация, раскулачивание, репрессии, голод, индустриализация.

Kuvaeva Aida Aslanovna, a senior lecturer of the Department of History of the State and Law, Faculty of information systems in economics and jurisprudence, the Maikop State Technological University, tel.: (8772) 525128

TRANSFORMATION OF THE SOCIAL STRUCTURE OF THE POPULATION OF ADYGHEA IN 1930-s: HISTORICAL AND DEMOGRAPHIC ASPECT

The paper studies the transformation of the social structure of the population of Adyghea in the 30-ies. of the XX century, namely, its historical and demographic aspects. Major events and developments affecting the ethnic and demographic situation of the period under review have been highlighted: collectivization, dispossession, persecution, famine, and industrialization. It has been noted that all these phenomena, later called catastrophic, led to a sharp reduction in the population field.

Keywords: social structure, ethno-demographic processes, collectivization, dispossession, persecution, famine, industrialization

30-е гг. XX в. были сложным, драматичным и противоречивым периодом в истории России. Его объективное изучение стало возможным в постперестроечные годы, когда были открыты ранее засекреченные архивные материалы, в том числе итоги переписей населения 1937 и 1939 гг. Это время было насыщено событиями, которые оказали существенное влияние на состояние социальной структуры населения – последствия гражданской и мировой войн, форсированная индустриализация, коллективизация с ее раскулачиванием и насильственным переселением, голод 1932-1933 гг., массовые политические репрессии. Каждое событие этого этапа оказывало

свое влияние на ход не только социально-политических и экономических, но и этнодемографических процессов в стране, в том числе в регионе Северо-Западного Кавказа и Адыгее как его части.

Во второй половине 1929 г. в области развернулась массовая коллективизация, которая имела вполне определенные демографические последствия. В ходе коллективизации усиливалась роль сельских советов. Однако в период коллективизации они воспринимались некоторыми руководителями как «лишняя и дорогая административная надстройка над колхозами». 13 декабря 1929 г. было принято постановление ЦИК СССР от. «О значении и работе сельских советов в районах сплошной коллективизации». Областным комитетом партии также были приняты меры по укреплению сельских советов. Тем самым, было сохранено и укреплено основное административное звено в сельскохозяйственных районах.

Коллективизация изменила привычный уклад жизни основной части населения области, внесла существенные изменения в хозяйственный быт крестьянской семьи, трудовая деятельность которой сосредоточилась в основном в сфере общественного производства. В деревне складывался однородный класс – колхозное крестьянство. Преобразования в сельском хозяйстве выдвинули в повестку дня подготовку квалифицированных кадров. К концу 30-х гг. XX в. в области работали 1911 механизаторов. В том числе трактористов – 1450, комбайнеров – 220, механиков – 48. Подготовка кадров велась на различных курсах. Механизаторские кадры готовились и из числа женской молодежи. На курсах трактористок в области обучалось 500 девушек.

Коллективизация сельского хозяйства в 1929 – 1933 гг. сопровождалась раскулачиванием и выселением кулаков. Кулаки разделялись на три категории: первая - контрреволюционный актив: кулаки, активно противодействующие организации колхозов, бегущие с постоянного места жительства и переходящие на нелегальное положение; вторая – наиболее богатые кулаки, местные кулацкие авторитеты, являющиеся оплотом кулацкого антисоветского актива; третья – остальные кулаки.[1, с. 277] Раскулаченные первой и второй категорий выселялись в отдаленные районы страны на спецпоселения. Специалисты считают, что направление больших масс людей на спецпоселения – следствие государственной политики спецколонизации, т.е. освоение необжитых районов страны. [1, с. 278]

Процесс выселения кулаков на Северном Кавказе шел в двух направлениях. Кулаков Северного Кавказа выселяли в другие, в том числе отдаленные регионы страны, сюда же направлялись кулаки из других областей и краев. В ряду других регионов (Урал, Западная Сибирь, Северный край, Восточная Сибирь) в 1930 – 1931 гг. на спецпоселения на Северный Кавказ прибыло 14622 семьи, или 3,8% от всех направленных на спецпоселения в регионы РСФСР.[1, с. 281]

10 февраля 1930 г. Северо-Кавказский крайисполком принял постановление «О ликвидации кулачества как класса в пределах Северо-Кавказского края». Было решено «Произвести конфискацию имущества кулацких хозяйств в округах и областях сплошной коллективизации с/х края». [2] Северо-Кавказский крайком партии телеграфировал И.В. Сталину о том, что в крае «приступают к практическому переселению кулаков за пределы края». Запрашивалась «санкция ЦК о выселении 20 тыс. наиболее махровых элементов из них 2 тыс. националов». [3, с. 78]

Наркомземом РСФСР 1 апреля 1930 г. было принято постановление «О местах поселения кулацких хозяйств, выселяемых из районов сплошной коллективизации». Этим постановлением определялся общий порядок переселения. Раскулаченных размещали в поселках размером от 20 до 100 дворов, которые должны были находиться вне территорий сплошной коллективизации, вне пограничной полосы, вдали от любых путей сообщения. Земли выделялись худшего качества. Руководство этими поселками возлагалось на специальные комиссии. На Северном Кавказе для переселенцев были определены засушливые, неурожайные районы. Спецпоселенцев здесь планировалось использовать в сельском хозяйстве. География расселения охватывала практически большинство округов края, в том числе, в Майкопском округе по плану внутрикраевого переселения было расселено 1069 хозяйств. Для внутрикраевого переселения кулацких хозяйств были выделены так же участки в Сальском, Шахтинском, Донецком, Ставропольском и Терском округах.

Из национальных районов Северного Кавказа раскулаченные выселялись в основном в Дивенский район Ставропольского округа. Из Адыгеи и Черкесии сюда, как отмечает В.С. Белозеров, было выселено 200 хозяйств.[3, с. 79] Документы Национального Архива Республики Адыгея позволяют уточнить данные по Адыгее. Только по одному району – Красногвардейскому выселено было 578 чел.

В этом же документе отмечается, что в Дивенский район были переселены еще 132 чел. из Красногвардейского, а также 47 чел. из Шовгеновского, 22 чел. из Псекупского районов области, [4] т.е. еще 201 чел., что составляло как минимум еще около 40 хозяйств. Поэтому можно предположить, что из 200 кулацких хозяйств, переселенных в Дивенский район из Адыгеи и Черкесии, по В.С. Белозерову, значительно более половины пришлось на Адыгею. Авторы монографии «История сельского хозяйства и крестьянства Адыгеи» называют 149 кулацких хозяйств, переселенных внутри края.[5, с. 129] Нам эта цифра представляется заниженной. В период коллективизации в Адыгее было раскулачено 1260 кулацких хозяйств.[5, с. 129] Вступившие в колхозы кулаки также выселялись. И, как отмечается в документах Национального архива Республики Адыгее, в 1931 г. выселено было 388, в 1932 г. – 147, в 1933 г. – 169, в 1934 г. - 218 кулацких хозяйств.[6] Исходя из этих данных, можно предположить, что большинство кулацких хозяйств Адыгеи были выселены за пределы Северо-Кавказского края. Точные данные в Национальном архиве отсутствуют. Однако имеющиеся данные только за 1932 г. характеризуют достаточно высокую интенсивность данного процесса в области. Такое положение было и в целом по всему Северному Кавказу, который был одним из крупных районов выселения.

Выселялись полностью семьи, в том числе дети (от 7 месяцев) и старики (до 83 лет).[7] Делалось это вопреки даже требованиям центральных властей, которые рекомендовали: «Детей кулаков до 10-летнего возраста и стариков старше 65-ти лет разрешается оставлять родственникам и знакомым, изъявившим желание их содержать».[1, с. 288]

Помимо высылки кулаков в 30-е гг. XX в. советская власть практиковала так называемые принудительные переселения, которые имели место и в Адыгее.[3, с. 25]

В структуре населения страны в конце 20-х- 30-е гг. XX в. появился новый элемент – лишенные избирательных прав. Наиболее многочисленной группой лишенных избирательных прав были люди, применявшие в хозяйстве наемный труд, т.е. кулаки, административно высланные и священнослужители. Судя по приведенным ниже данным, пик раскулачивания в Адыгее пришелся на 1929 г. В этом году лишены избирательных прав были 4290 чел., или 7,6% населения. Наибольшее количество раскулаченных на 1 января 1932 г. было в Шовгеновском (282 чел.) и

Красногвардейском (142 чел.) районах. Необходимо отметить, что Шовгеновский район оказался, в том числе и по этой причине наиболее пострадавшим от голода. Категория административно выселенных появляется в статотчетах только в 1931 г., это дает основания предполагать, что спецпереселенцы из других регионов страны в Адыгею пребывали не ранее 1930 г. На 15 декабря 1933 г. в области проживало 387 чел. «административновысланных». По сведениям на 1931 г. они в основном были расселены в Псекупском (73 чел.) и Шовгеновском (74 чел.) и незначительная часть (5 чел.) в Красногвардейском районах.

Определенную роль на социальную структуру населения области оказала индустриализация, которая, проходила значительно более медленными темпами, чем в целом по стране. До 1936 г. Адыгея была исключительно сельскохозяйственным регионом. До включения в ее состав города Майкопа здесь отсутствовали городские поселения, которые являлись главной базой для развития промышленности. С развитием индустриализации непосредственно связан процесс урбанизации, что непосредственно вело к увеличению численности городских поселений. Рост городского населения происходил и за счет преобразования сельских поселений в городские. Особенно активно, хотя, по мнению специалистов, и не всегда обоснованно этот перевод происходил перед началом переписи 1939 г. [1, с. 228] Данный процесс в Адыгее начнется только в послевоенные годы. В 30-е гг. единственным городским поселением в области стал включенный в ее состав Майкоп, ставший в 1936 г. областным центром. Численность населения города в 30-е гг. составляла 56 тыс. чел. [8, с. 27], плотность населения в нем была самая высокая в области более 2 тыс. чел., тогда как в самом густонаселенном районе не превышала 70 чел. [8, с. 27]

На демографическую ситуацию в 30-е годы повлияли проводимые в стране репрессии. В советском обществе была создана атмосфера нетерпимости, вражды, всеобщей подозрительности. Репрессии обрушились в первую очередь на партийно-советские кадры, интеллигенцию и работников сельского хозяйства. Не осталась в стороне от этого процесса и Адыгея. За 1937 г. и 4 месяца 1938 г. из рядов партии было исключено 340 человек, из них с формулировкой «враг народа» - 100 чел., остальные - «за связь с врагами народа». [5, с. 177] Все исключенные были осуждены. По мнению исследователей, в общей сложности в этот период пострадала 22,5% всего состава областной партийной организации. [5, с. 177] Репрессированные и их семьи

исключались из колхозов, освобождались от работы. Как отмечал кубанский историк И.И. Алексеенко, один из первых обратившийся к проблеме репрессий на Кубани, «три четверти из общего числа репрессированных в процессе «раскулачивания» - наиболее трудоспособная часть жителей кубанских станиц, аулов и хуторов в возрасте от 20 до 60 лет. В национальном составе репрессированных, наряду с русскими и украинцами, составлявшими основную массу населения края, пострадали адыгейцы (760 чел.)...»[9, с. 94] Точные данные людских потерь в результате репрессий отсутствуют, так как, по мнению специалиста по социально-политическим исследованиям Л.Л. Рыбаковского, «оценки людских потерь в таких случаях сопряжены с часто неустранимыми информационными пробелами».[10, с. 86]

Особое место по своему влиянию на демографическую ситуацию в регионе занимают события связанные с голодом 1932-1933 гг. Последствия этого периода стали активно исследоваться только со второй половины 80-х гг. XX века, прежде всего, по причине отсутствия сводной статистики и неполноты текущего учета. [1, с. 267] Процент ЗАГСов, представивших свои сведения, составлял всего 91,8%, и они обслуживали 94,7% населения страны. Тем не менее, имеющиеся документы подтверждают что, в рассматриваемый период число умерших в стране составило 16236 тыс. чел. [1, с. 240], голодало не менее 30 млн. крестьян. [1, с. 266] Ряд отечественных специалистов сходятся во мнении, что общая цифра жертв голода составляет 3,8 млн. чел. [1, с. 271] По расчетам ЦСУ СССР 1964 г., в 1933 г. на каждую 1000 чел. умирало 42,6 чел. По подсчетам Е.М. Андреева, Л.Е. Дарского, Т.Л. Харьковской, этот показатель составлял 70,3 чел. [1, с. 268] Наиболее высокой была детская смертность. И.И. Алексеенко в своей книге «Репрессии на Кубани и Северном Кавказе в 30-е гг. XX века» приводит свидетельства о детской смертности в Адыгее жителя пос. Яблоновского Л.В. Белова, пережившего эту трагедию.[9, с. 47], который вспоминал: «Дети бродили как бездомные собаки по улицам, базарам и вокзалам в поисках пищи. Обессилив от голода, они падали под заборами. Милиция ... подбирала полуживые тела и отправляла в детприемники ... В группу выздоравливающих попадали единицы. Каждую ночь на подводы грузили трупы и вывозили на городское кладбище в общую яму».[9, с. 47]

Северный Кавказ оказался в числе наиболее пострадавших регионов от голодомора. Из 75 районов Северо-Кавказского края голод охватил 44 района.[9, с. 48]

Голод начала 30-х гг. вызвал массовую смертность в регионе. Несмотря на высокую рождаемость за прошедшие между переписями (1926 и 1937 гг.) годы, убыль населения в регионе составила 4,1%.[1, с. 354] В феврале 1933 г. бюро Северо-Кавказского крайкома партии вынуждено было официально признать «факты прямого голодания».[9, с. 48] Велики людские потери были и в Адыгее, наиболее пострадавшим в которой оказался Шовгеновский район.[3, с. 69]

Подтверждение значительных потерь населения от голода в Адыгее дают сравнительные данные по численности населения области по переписям 1926 и 1937 гг. в сравнении с другими автономиями Северного Кавказа.

Таблица 1 - Численность населения автономий Северного Кавказа по переписи 1926 и предварительным итогам 1937 гг. (по срочным донесениям)

Территория	Население по переписи 1926 г.	Население по переписи 1937 г.	1937г. по отношению к 1926г., принятому за 100%	по к за
Адыгейская АО	221,7	220,7	99,6	
Карачаевская АО	94,0	1137,4	146,1	
Черкесская АО	66,4	79,9	120,3	
Дагестанская АССР	787,4	994,3	126,3	
Чечено-Ингушская АССР	510,1	615,5	127,7	
Северо-Осетинская АССР	226,0	304,0	134,5	
Кабардино-Балкарская АССР	230,9	323,8	140,2	

Как видно из приведенных данных, динамика населения различных автономий была не одинакова. Обращают на себя внимание неблагоприятные показатели естественного движения населения в Адыгее на фоне положительных показателей в других автономиях Северного Кавказа. Население области в 1937 г. по сравнению с 1926 г. уменьшилось на 1 тыс. чел. и составило 99,6%, в то время как население остальных автономий не только не уменьшилось, а заметно увеличилось.

О тяжелых последствиях голода свидетельствует также статистика по заболеваемости. В Адыгее по состоянию на январь 1931 г. распространенными болезнями были: брюшной и сыпной тиф, скарлатина, дифтерит, дизентерия, малярия, корь, коклюши, грипп.[11] Самая высокая заболеваемость была малярией. В 30-е гг. заболеваемость ею достигла в целом по стране масштабов, «невиданных ни в предыдущие времена, ни позднее» .[1, с. 343]

Как показал анализ документов Национально архива Республики Адыгея, изучение последствий голода в области представляет определенные трудности. Архивные данные ЗАГСов о родившихся и умерших не полны, в тех, что сохранились, отсутствуют для такого анализа сведения. Поэтому при подсчете людских потерь мы исходили из так называемых косвенных данных – уменьшение численности населения, количество рожденных и умерших, сравнение с другими автономиями Северного Кавказа, соотношение областных данных с данными по всему Северо-Западному Кавказу, что позволяет предположить, что от голода в области погибло более 1 тыс. чел.

Проведенный анализ позволяет сделать следующий вывод. На ход демографических процессов в Адыгее в 30-е гг. XX века оказали влияние факторы, которые повлекли за собой последствия, позже названные катастрофическими. Их влияние было в определенном смысле косвенным, но на самом деле они стали основными, определившими всю демографическую ситуацию не только в 30-е гг., но и в последующие периоды. К таким факторам относятся коллективизация и индустриализация, раскулачивание, политические репрессии и голод. Адыгея в полной мере испытала на себе влияние этих факторов.

Литература:

1. Население России в XX веке: исторические очерки: в 3 т. Т. 1. 1900-1939. М., 2000.
2. ГУ НАРА. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 750. Л. 82.
3. Белозеров В.С. Этническая карта Северного Кавказа. М., 2005.
4. ГУ НАРА. Ф.Р -1. Оп. 4а. Д. 155. Лл. 17, 21-22, 23
5. История сельского хозяйства и крестьянства Адыгеи (1870-1993 гг.). Майкоп, 1994.
6. Постановление VIII съезда Советов ААО. Краснодар, 1935.
7. ГУ НАРА. Ф.Р -1 Оп. 4а. Д. 155. Лл. 13.
8. Советская Адыгея. К 50-летию образования СССР. Статистический сборник. Майкоп, 1973.
9. Алексеенко И.И. Репрессии на Кубани и Северном Кавказе в 30-е гг. XX века. Краснодар, 1993.

10. Рыбаковский Л.Л. Великая Отечественная: людские потери России // Социс. 2001. № 6.

11. ГУ НАРА. Ф.Р-4. Оп. 1. Д. 251. Л. 38.